

Я-ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ ПРИ СОЗАВИСИМОСТИ: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

ГРИГОРЬЕВА Л.М.

*Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ);
Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена
(ФГБОУ ВО «РГПУ им. А.И. Герцена»), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7029-090X>, e-mail: lidia.grigoreval@gmail.com*

Работа направлена на выявление малоочевидных особенностей Я-образа женщин при созависимости посредством количественного и качественного экспертного анализа языкового материала. В исследовании (N = 85) приняли участие респонденты в возрасте от 20 до 50 лет (M = 34), из них 99% были женского пола. Все участники опроса ответили, что состоят в партнерских отношениях. Использовались следующие методики: опросник «Профиль созависимости» в адаптации Н.Г. Артемцевой (опросник создан Сообществом анонимных созависимых «CoDA – Co-Dependents Anonymous») и ассоциативный тест «Какой Я?» в модификации Т.В. Румянцевой (М. Кун, Т. Макпартленд). Обработка данных проходила в три этапа. На первом этапе происходила обработка опросника на профиль созависимости Н.Г. Артемцевой и соотнесение его с теоретическими положениями Е.В. Емельяновой о типах созависимых отношений. Второй этап включал в себя лингвистический анализ: выделение ключевых лексем, полученных в результате теста Куна—Маркпартленда, и составление на основе них антонимичных пар дескрипторов. На третьем этапе мы соотнесли данные этапов 1 и 2: выявленные дескрипторы были соотнесены с типами созависимых отношений. Полученные результаты дают возможность говорить о том, что основные психологические особенности феномена созависимости могут отображаться и на лексическом уровне. Это наглядно демонстрирует не столько разница в построении лексико-семантического пространства Я-образа в разных типах созависимых отношений, сколько схожесть его репрезентации. Так, лексико-семантическое пространство в разных типах созависимых отношений имеет схожее наполнение и отображает характерную для нашего социокультурного контекста социально одобряемую жизнь с фиксацией на другом человеке и его потребностях, стремление к обретению самооценности и удовлетворению потребности в контроле (над своей жизнью или жизнью партнера).

Ключевые слова: психоллингвистика, лингвистические маркеры созависимости, созависимость, созависимые отношения, Я-образ, язык созависимости, лингвистический инструментарий, лингвистическая статистика.

Для цитаты: Григорьева Л.М. Я-образ женщины при созависимости: психоллингвистический подход // Экспериментальная психология. 2024. Том 17. № 3. С. 158—167. DOI: <https://doi.org/10.17759/exppsy.2024170311>

SELF-IMAGE OF WOMEN IN CO-DEPENDENCE: A PSYCHOLINGUISTIC APPROACH

LIDIA M. GRIGORIEVA

St. Petersburg State University; A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7029-090X>, email: lidia.grigorevalg@gmail.com

The work is aimed at identifying less obvious features of the Self-Image of women with co-dependency through quantitative and qualitative expert analysis of language material. The study (N=85) involved respondents aged 20 to 50 (M=34), of whom 99% were female. All survey participants answered that they were in a partnership. The following methods were used: the questionnaire “Codependency Profile” adapted by N.G. Artemtseva (the questionnaire was created by the Community of Anonymous Codependents “CoDA – Co-Dependents Anonymous”) and the associative test “What Am I?” modified by T.V. Rumyantseva (M. Kuhn, T. McPartland). Data processing took place in three stages. At the first stage, the questionnaire on the codependency profile of N.G. Artemtseva was processed and compared with the theoretical provisions of E.V. Emelyanova on the types of codependent relationships. The second stage included linguistic analysis: identifying key lexemes obtained as a result of the Kuhn-Markpartland test and compiling antonymous pairs of descriptors based on them. At the third stage, we compared the data from stages 1 and 2: the identified descriptors were correlated with the types of codependent relationships. The obtained results make it possible to say that the main psychological features of the codependency phenomenon can also be reflected at the lexical level. This clearly demonstrates not so much the difference in the construction of the lexical-semantic space of the Self-Image in different types of codependent relationships, but the similarity of its representation. Thus, the lexical-semantic space in different types of codependent relationships has similar content and reflects the socially approved life characteristic of our socio-cultural context with a fixation on another person and his needs, the desire to gain self-worth and satisfy the need for control (over one’s own life or the life of a partner).

Keywords: psycholinguistics, linguistic markers of codependency, codependency, codependent relationships, Self-image, language of codependency, linguistic tools, linguistic statistics.

For citation: Grigorieva L.M. Self-Image of Women in Co-Dependence: A Psycholinguistic Approach. *Экспериментальная психология = Experimental Psychology (Russia)*, 2024. Vol. 17, no. 3, pp. 158–167. DOI: <https://doi.org/10.17759/exppsy.2024170311> (In Russ.).

Введение

Феномен созависимости является одной из магистральных тем в психологических исследованиях. Многочисленные работы сфокусированы на описании и характеристике созависимости как определенного состояния, возникающего у круга лиц при длительном взаимодействии с индивидом, злоупотребляющим веществами (Ж.В. Береза [4], И.Ж. Калашников [8], В.Д. Москаленко [13], Е.А. Назаров [14] и др.). При таком подходе созависимость определяется как «...поведение, мотивированное зависимостями других людей; эти зависимости включают пренебрежение и неприятие собственной личности. Ложное восприятие себя часто выражается в виде вынужденных привычек, наркомании и в других расстройствах, которые увеличивают отчуждение от собственной человеческой личности, способствуют развитию чувства стыда» [13]. Так, к созависимым относят круг лиц, ведущих тесные взаимоотношения с людьми с алкогольной или наркотической зависимостями.

При более широком взгляде на феномен созависимость понимается как зависимость от лица, ведущего совместную жизнь с любым дисфункциональным человеком. Такой подход отражен в исследованиях Р.С. Апенюк [1], С.И. Галяутдиновой, Е.В. Ахмадеевой [6], где рассматривается поведенческая (нехимическая) созависимость, эмоциональная зависимость одного человека от значимого другого. «Созависимость — это зависимость от близких людей, от их настроения, поведения, болезни или здоровья, их любви или ненависти» [3]. Тогда созависимый понимается как «...человек, который испытывает трудности в жизни и видит причину этих трудностей во внешнем плане, в проблемах зависимого значимого другого. Созависимый страдает вместе с зависимым значимым другим от его зависимости. Предметом зависимости может быть алкоголь, наркотики, болезнь, мнение других людей и даже особенности характера» [3].

Вне зависимости от подхода к феномену — широкого или узкого — неизменным остается то, что у созависимого человека происходит нарушение цельности, здоровья на всех уровнях: психологическом, психическом и физическом.

Созависимые взрослые — это люди, выросшие в нездоровых, созависимых, дисфункциональных семьях [13], где вобрали в себя модели поведения и определенный жизненный сценарий. Такие семьи представляют собой запутанную симбиотическую систему, каждое звено которой созависимо друг с другом. В членах такой семьи не развивается самостоятельность, автономность, индивидуальность; психологические границы либо отсутствуют вовсе, либо грубо нарушаются. В то же время развиваются зависимость от чужого мнения и потребность одобрения друг друга. Такая система функционирует благодаря создаваемой иллюзии «большой дружной семьи», из которой не выносятся сор. Из-за вовлечения каждого члена семьи в игру «счастливая семья» жизнь в обществе оказывается ограниченной, что приводит к самодепривации и отказе от своего Я [3].

Кроме семьи, которая, бесспорно, оказывает огромное влияние на становление личности, на формирование созависимости воздействуют внешние социальные условия. Условия, в которых растет и формируется личность, оказывают на нее самое прямое влияние и закрепляют разного рода особенности [22]. Социальный опыт, получаемый в результате социализации, преобразовывается в личностные ценности, установки. Более того, все люди — звенья социокультурного контекста, который играет роль в усвоении моделей поведения [3].

Для созависимого человека характерно переживание потребностей значимого другого в качестве собственных, в результате чего теряется самость.

По мере взросления в созависимой семье и получения травмирующей идентичности социального опыта, ребенок испытывает дефицит любви. Это делает его неполноценным, и он начинает ждать любви от других людей. Вырастая, он выстраивает собственные созависимые отношения. Таким образом, круг замыкается, в то время как проблема созависимости остается не разрешенной.

Для восполнения дефицита любви, нарушающего самость ребенка, и заполнения пустоты с помощью значимого другого в созависимых отношениях, по мнению Е.В. Емельяновой, человек может прибегать к различным стратегиям построения созависимых отношений [7].

Любовь через отказ от внутреннего суверенитета, растворение своей психологической территории в территории партнера. Такой человек в отношениях отказывается от стремлений, потребностей, талантов, перенимая у партнера ценности, мировоззрение и даже систему представлений о самом себе. Живет по принципу — «Я — часть его. Без него я

ничто». В таких отношениях созависимый наделяет партнера ролью родителя и стремится обрести свою целостность в нем.

Любовь через лишение партнера суверенитета, поглощение его психологической территории. В этом случае роль Родителя играет сам созависимый, а партнер наделяется ролью Ребенка. Ответственность за жизнь партнера принимает на себя созависимый. Партнер представляется слабым, несамостоятельным, нуждающимся в заботе ребенком, которого необходимо контролировать, потому что его самостоятельность опасна для Родителя; своим поведением он оправдывает и подпитывает необходимость в контроле, заботе, отказываясь от собственной психологической территории.

Любовь через абсолютное владение и разрушение психологической территории партнера. Это может делаться как жестоко и открыто, так и скрыто, с помощью манипуляций. В таких отношениях преследуются две цели: либо заполнить свое ущербное Я, либо получить удовольствие. В первом случае происходит проекция своего ущербного Я на партнера, чтобы заполнить его собственными представлениями о своем Я. Но так как у партнера структура Я занята, ее нужно разрушить. Во втором случае процесс разрушения идет ради самого процесса. Процесс разрушения позволяет разрушающему увериться в том, что он наделен властью над окружающими, разрушение партнера придает ему чувство силы и значимости.

Любовь через отражение в значимом Другом. Партнер призван заполнить мое опустошенное Я своей любовью и восхищением. Ответственность за собственное благополучие перекладывается на партнера. Данная форма созависимых отношений характерна для нарциссических личностей, склонных к постоянному обращению к партнеру с целью получения внимания, восхищения и любви. Метафора данных отношений — человек, любящий себя в зеркало в попытке найти ответы на вопросы: «Ты сильно меня любишь?», «Восхищен ли ты мной?». В данном контексте партнер призван заполнить и поддержать опустошенное Я через повышенное внимание, восхищение и любовь.

Таким образом, любовь во всех типах созависимых отношений становится компенсаторным механизмом, который сохраняет и поддерживает Я. Партнер, в свою очередь, оказывается средством для компенсации депривированных потребностей, наполнения опустошенного Я.

Вопрос диагностики созависимости и созависимых отношений остается открытым. На сегодняшний день арсенал инструментов для диагностики созависимости достаточно узок, однако представляется возможным расширить его, обратившись к инструментам лингвистических исследований.

Современные исследователи привлекают внимание к необходимости расширения опыта в различных областях гуманитарного знания и говорят о «...невозможности решения целого ряда глобальных проблем о сущности человека, его поведении и деятельности его разума без объединения усилий специалистов из разных научных дисциплин, но при выработке ими единой программы исследований» [10]. Концепция языковой природы сознания, понимание языка как носителя общественного культурно-исторического опыта (Л.С. Выготский [5], А.Н. Леонтьев [11], А.Р. Лурия [12], В.Ф. Петренко [17]) способствует интеграции лингвистического знания в современную психологию. Попытки лингвистического описания различных психологических феноменов набирают вес в современном научном знании. Так, например, были описаны специфические черты языка жертв такого негативного социального опыта, как остракизм: количественное соотношение артиклей, грамматические характеристики лексики; объем предложений, указывающий на психоэмоциональное состояние источников и жертв данного социально-психологического феномена [23].

Опираясь на генетическую связь языка и психических явлений, очевидно, что центральным звеном, конструктом, связующим личность (со всем набором ее индивидуальных психических особенностей) и ее проявление в языке является «языковая личность». Языковая личность — это личность человека, выраженная в языке, текстах и через язык [9]. Языковая личность — центральный предмет изучения психолингвистики; единицами ее измерения становятся отдельные лексемы и индивидуально-авторский текст, открывающие возможность для исследования личности на разных языковых уровнях [21]. В индивидуально-авторском словоупотреблении, выборе тех или иных слов или грамматических конструкций отражается внутренний мир человека, его индивидуальные психические особенности и ценностная картина мира.

Гипотезы исследования: количественный и качественный экспертный анализ языкового материала может способствовать выявлению малоочевидных особенностей феномена созависимости, а также подтверждению данных психологических исследований.

Настоящее исследование ставит **задачу** выявить малоочевидные особенности Я-образа женщин при созависимости.

Программа исследования

Выборка. Выборку составил 91 респондент в возрасте от 20 до 50 лет (из них 99% — женщины), среднего возраста $M = 34$. Все участники опроса ответили, что состоят в партнерских отношениях. В процессе работы 6 респондентов не прошли опрос до конца, поэтому были исключены из выборки. Таким образом, материалом для работы послужили ответы 85 человек.

Процедура. Респондентам предлагалось пройти опросник методики «Профиль созависимости» в адаптации Н.Г. Артемцевой [3] (опросник создан Сообществом анонимных созависимых «CoDA — Co-Dependents Anonymous») и ассоциативный тест «Какой Я?» в модификации Т.В. Румянцевой (М. Кун, Т. Макпартленд). Опрос производился в сети Интернет с помощью Google-формы в социальной сети «Инстаграм».

Обработка данных

Обработка данных проходила в три этапа.

Этап 1. Обработка опросника на профиль созависимости Н.Г. Артемцевой и соотнесение его с теоретическими положениями Емельяновой о типах созависимых отношениях. Опросник состоит из 33 утверждений, каждое из которых оценивается по десятибалльной шкале, где 1 — совершенно не про меня, а 10 — точно про меня. Оценки каждого испытуемого дают созависимость определенной структуры. Баллы не суммируются. Корреляционное исследование на валидность опросника, проведенное Н.Г. Артемцевой, показало, что общая оценка по всем вопросам не дает полной информации о симптомах созависимости. Большинство испытуемых, набирая средний бал, часто давали высокие оценки по некоторым высказываниям. Н.Г. Артемцева предполагает, что индивидуальные особенности личности играют важную роль в том, что актуализирует созависимость в отношениях. При изучении валидности методики было выделено 11 факторов. Из них пять факторов оказались основными, с высоким процентом объясненной дисперсии. В нашем исследовании мы обозначили факторы таким образом, чтобы они соотносились с теоретическими положениями о психологической территории личности. Факторы № 1 (вопросы 12, 16, 17) и № 4 (вопросы 5, 8, 24) можно соотнести с формой созависимых отношений «Поглощение психологической терри-

тории партнера». Фактор № 2 (вопросы 20, 21, 22) – с формой «Отказ от собственного суверенитета». Фактор № 3, к которому относятся вопросы 2 и 26, соотносится с формой «Любовь через отражение в значимом другом». К фактору № 5 (вопросы 31, 32) – «Абсолютное владение и разрушение психологической территории партнера». При проверке тест-ретестовой надежности была получена высокая ретестовая надежность шкалы опросника. Опросник на определение профиля созависимости также выдержал проверку на внешнюю валидность.

Результаты первого этапа исследования представлены в табл. 1.

Таблица 1

Распределение по типам созависимых отношений, выделенные антонимичные дескрипторы

Типы созависимых отношений	Тип 1. Поглощение психологической территории партнера	Тип 2. Отказ от собственного суверенитета	Тип 3. Любовь через отражение в значимом другом	Тип 4. Абсолютное владение и разрушение психологической территории партнера
Количество респондентов	N = 50	N = 35	0	0

Этап 2. Второй этап включал в себя лингвистический анализ: выделение ключевых лексем, полученных в ходе эксперимента Куна–Маркпартленда, и составление на основе них антонимичных пар дескрипторов. Испытуемым предлагалось дать различные ответы на вопрос, обращенный к самому себе: «Какой Я?» – в том порядке и количестве, в которых они спонтанно возникают. Примеры ответов респондентов. Респондент А.: *милосердный, добрый, чуткий, эмпатичный, сострадательный, робкий, властный, настойчивый, агрессивный, целеустремлённый, опасный, упертый, вредный, вдохновляющий, сильный, терпеливый, неуравновешенный, умный, талантливый, игнорирующий, изолирующийся, восприимчивый, красивый, веселый, дурманящий, дарящий, непостоянный, уникальный, обидчивый, осуждающий, активный, мягкий, податливый, провоцирующий, внимательный, чуткий, экстравагантный, уникальный, единственный.* Респондент Б.: *добрая, общительная, внимательная, авантюрная, спокойная, доброжелательная, терпеливая, скрупулезная, с хорошей памятью, внимательная к мелочам, творческая, обладающая чувством юмора, саркастичная, вспыльчивая.*

Результаты второго этапа представлены в табл. 2.

Таблица 2

Антонимичные дескрипторы

Дескриптор 1	Добрый–злой
Дескриптор 2	Чуткий–черствый
Дескриптор 3	Умный–глупый
Дескриптор 4	Властный–мягкий
Дескриптор 5	Красивый–некрасивый

Этап 3. На третьем этапе мы соотнесли данные этапов 1 и 2: выявленные дескрипторы были соотнесены с типами созависимых отношений. Среднее арифметическое представлено в процентах. Данные третьего этапа отображены в табл. 3.

При обработке полученных данных были использованы методы математической статистики: пакеты компьютерных программ *StatPlus:mac 7* и пакет статистических программ *Microsoft Excel 2019*.

Таблица 3

Соотношение дескрипторов с типами созависимых отношений									
Добрый	Злой	Чуткий	Черствый	Умный	Глупый	Властный	Мягкий	Красивый	Некрасивый
Тип 1. Поглощение психологической территории партнера									
54	0	54	0	28	0	10	16	6	0
Тип 2. Отказ от собственного суверенитета									
65	0	60	0	34	0	17	11	25	0

Обработка опросника на профиль созависимости в соответствии с факторами, соотнесенными нами с типом созависимых отношений, показала, что респонденты распределились по двум типам отношений: *Тип 1. Любовь через психологическое поглощение территории партнера* (N = 50) и *Тип 2. Любовь через отказ от собственного суверенитета* (N = 35). Отношений *Типа 3 и Типа 4* в нашей выборке зафиксировано не было.

Для интерпретации результатов теста Куна—Маркпартленда нам показалось правомерным применить методы лингвистического анализа в связи с тем, что результаты данного теста представляют собой спонтанную письменную речь. Посредством лексико-семантического, лексикографического, концептуального и контекстуального анализа были выделены ключевые слова, на основании которых, с опорой на словари [15; 16; 18; 19; 20], были выделены пять пар антонимичных дескрипторов: а) *добрый — злой*; б) *чуткий — черствый*; в) *умный — глупый*; г) *властный — мягкий*; д) *красивый — некрасивый*. Анализ лексики и выделение дескрипторов с опорой на словари проводился вручную, так как ни одна из существующих компьютерных программ не содержит достаточного для нашего исследования комплекса и разнообразия академических словарей. На основании полученных данных можно сделать следующий вывод: во втором типе созависимых отношений респонденты характеризуют себя чаще *добрыми, чуткими, умными, властными и красивыми*, нежели в первом.

В то же время следует обратить внимание не на различия, а на сходство в репрезентуемых характеристиках себя. Это сходство наглядно отображено в равномерном количественном соотношении характеристик, незначительном колебании числовых показателей, в одинаковых ключевых дефинициях в обоих типах отношений — это лексемы *добрый и чуткий*, количество словоупотреблений которых минимум в два раза превалирует над количеством других характеристик себя. Также следует отметить, что ни один из участников опроса не дал себе негативную характеристику (см. дескрипторы с нулевым значением: *злой—черствый—глупый —некрасивый*).

Обсуждение результатов

Лексико-семантическое пространство Я-образа разного типа созависимых отношений наполняют такие характеристики себя как *добрый и чуткий*. Обратимся к первым значениям лексемы *добрый*, зафиксированным в разных словарях.

Добрый:

- 1) делающий добро *другим, отзывчивый*, а также выражающий эти качества [16];
- 2) делающий добро *другим*; благожелательный, *отзывчивый*, обладающий *мягким характером* [19];
- 3) расположенный к людям, отзывчивый, исполненный доброты, *сочувствия* к ним, *готовности помочь* [20].

В сегодняшнем социокультурном контексте такой стереотип поведения, как быть мягким, отзывчивым, сочувствующим другому, иными словами, с фиксацией в первую очередь на другом человеке и отказе от самости, социально одобряем. Следовательно, при построении созависимых отношений, вне зависимости от их типа, человеку свойственно в первую очередь думать о потребностях другого, что подчеркивает характеристика себя отзывчивым и готовым помочь человеком.

Большее количество положительных оценок себя, как *доброго-чуткого-умного-красивого*, во втором типе созависимых отношений, может свидетельствовать о бессознательном желании повысить свою самооценку за счет употребления позитивной оценочной лексики. Это перекликается с экспериментом группы немецких исследователей, посвященным характеристике языка остракизма, в ходе которого были получены данные о том, что индивиды, становящиеся жертвами негативного социального опыта, склонны чаще употреблять прилагательные с позитивной оценкой себя с целью поднять себе самооценку [23]. Определение себя властными во втором типе профиля созависимости может свидетельствовать о потребности иметь контроль как над отношениями, так и над жизнью.

Заключение

Нами была предпринята попытка показать, что психологические особенности созависимости и созависимых отношений отображаются и на лексическом уровне. Это наглядно репрезентует не столько разница лексико-семантического пространства Я-образа в разных типах созависимых отношений, сколько схожесть в их репрезентации. Так, лексико-семантическое пространство в обоих типах созависимых отношений заполняют дескрипторы «добрый» и «чуткий». Для нашего социокультурного контекста жизнь с фиксацией на другом человеке и его потребностях социально одобряема, что еще раз подтвердили испытуемые. В то же время нулевые показатели дескрипторов с негативной оценкой себя и высокие показатели позитивной оценки могут свидетельствовать о потребности не только социального одобрения, но и обретения самооценности. Превалирующее большинство определений себя *властным* в противовес *мягкому*, одновременно с характеристикой себя *добрым* (т. е. отзывчивым и обладающим мягким характером), может говорить, с одной стороны, о неудовлетворенной потребности в контроле своей жизни, с другой стороны, о желании иметь власть или контролировать своего партнера.

Языковой материал всегда многолик и разнообразен. Представляется, что экспертный анализ методом не столько количественной, сколько качественной обработки языкового материала способствует выявлению неочевидных или малоочевидных особенностей психологических феноменов, а также подтверждению данных психологических исследований. Перспективами данного исследования являются возможность проведения его на более обширном языковом материале, применение данных методов для описания и уточнения иных психологических феноменов, а также возможность увеличения арсенала инструментов в психологических исследованиях за счет применения лингвистических экспериментов в целом.

Литература

1. Апенюк Р.С. Исследование созависимости и интернет-зависимости у студентов-психологов. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-sozavisimosti-i-internet-zavisimosti-u-studentov-psihologov> (дата обращения: 10.08.2021).
2. Артемцева Н.Г. Феномен созависимости: психологический аспект. М.: РИО МГУДТ, 2012. 222 с.
3. Артемцева Н.Г. Феномен созависимости: общее, типологическое, индивидуальное: монография. М.: Институт психологии РАН, 2017. 227 с.
4. Береза Ж.В. Исследование феномена зависимости в системе семейных отношений больных опиоидной наркоманией. автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2019.
5. Выготский Л.С. Мышление и речь. М.-Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. 362 с.
6. Галаутдинова С.И., Ахмадеева Е.В. К проблеме понимания аддикции и зависимости отечественными и зарубежными исследователями [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-ponimaniya-addikticii-i-zavisimosti-otechestvennymi-i-zarubezhnymi-issledovatelyami> (дата обращения: 15.08.2021).
7. Емельянова Е.В. Кризис в созависимых отношениях. Принципы и алгоритмы консультирования. СПб.: Речь, 2004. 320 с.
8. Калашников И.Ж. Психологические особенности проявления созависимости в поведении родителей наркозависимых. автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2002.
9. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.
10. Кубрякова Е.С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах объективации в языке) // Известия АН Серия литературы и языка. 1999. Том 58. № 5–6. С. 3–12.
11. Леонтьев А.А. Психолингвистика. Л.: Наука, 1967. 118 с.
12. Лурья А.Р. Язык и сознание. М.: Издательство Московского университета, 1979. 320 с.
13. Москаленко В.Д. Созависимость при алкоголизме и наркомании. Пособие для врачей, психологов и родственников больных. М.: Анахарсис, 2002. 112 с.
14. Назаров Е.А. Наркотическая зависимость и созависимость личности в семье. автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2010.
15. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. руководством Ю.Д. Апресяна. М.: Яз. рус. Культуры: Вып. 1, 1997; Вып. 2000.
16. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2000. 907 с.
17. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. М.: Московский университет, 1997. 400 с.
18. Словарь антонимов русского языка. М.Р. Львов; Русский ассоциативный словарь: [В 2 т.] / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева [и др.]. М.: Русский язык, 1984.
19. Словарь русского языка: в 4 т. 3-е изд., стер / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; [гл. ред. А.П. Евгеньев]. М.: Русский язык, 1985–1988.
20. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова: в 4 т. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1935–1940.
21. Черепанова И.Ю. Вербальная суггестия: теория, методика, социально-лингвистический эксперимент: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996.
22. Kolitzus H. Die Liebe und der Suff ...: Schicksalsgemeinschaft Suchtfamilie. München: K sel-Verlag, 1997. 275 p.
23. Klauke F., Müller-Frommeyer L.C., and Kauffeld S. Writing about the silence: identifying the language of ostracism // J. Lang. Soc. Psychol. 2020. Vol. 39. P. 751–763.

References

1. Apenok R.S. Issledovanie sozavisimosti i internet-zavisimosti u studentov-psihologov. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-sozavisimosti-i-internet-zavisimosti-u-studentov-psihologov> (Accessed 10.08.2021). (In Russ.).
2. Artemceva N.G. Fenomen sozavisimosti: psihologicheskij aspekt. M.: RIO MGUDT, 2012. 222 p. (In Russ.).
3. Artemceva N.G. Fenomen sozavisimosti obshchee, tipologicheskoe, individual'noe. M., 2017. 227 p. (In Russ.).

4. Bereza Zh.V. Issledovanie fenomena zavisimosti v sisteme semejnyh otnoshenij bol'nyh opijnoj narkomaniej. avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. M., 2019. (In Russ.).
5. Vygot'skij L.S. Myshlenie i rech'. M.-L.: Gosudarstvennoe social'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1934. 362 p. (In Russ.).
6. Galyautdinova S.I., Ahmadeeva E.V. K probleme ponimaniya addikcii i zavisimosti otechestvennymi i zarubezhnymi issledovatelyami [Elektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-ponimaniya-addiktzii-i-zavisimosti-otechestvennymi-i-zarubezhnymi-issledovatelyami> (Accessed 15.08.2021). (In Russ.).
7. Emel'yanova E.V. Krizis v sozavisimyh otnosheniyah. Principy i algoritmy konsul'tirovaniya. SPb: Rech', 2004. 320 p. (In Russ.).
8. Kalashnikov I.Zh. Psihologicheskoe osobennosti proyavleniya sozavisimosti v povedenii roditel'ev narkozavisimyh. avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. M., 2002. (In Russ.).
9. Karaulov Yu.N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'. M.: Nauka, 1987. 261 p. (In Russ.).
10. Kubryakova E.S. Semantika v kognitivnoj lingvistike (o koncepte kontejnera i formah ob'ektivacii v yazyke). *Izvestiya AN. Seriya literatury i yazyka*, 1999. Vol. 58, no. 5-6, pp. 3–12. (In Russ.).
11. Leont'ev A.A. Psiholingvistika. L.: Nauka, 1967. 118 p. (In Russ.).
12. Luriya A.R. Yazyk i soznanie. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1979. 320 p. (In Russ.).
13. Moskalenko V.D. Sozavisimost' pri alkoholizme i narkomanii. Posobie dlya vrachej, psihologov i rodstvennikov bol'nyh. M.: Anaharsis, 2002. 112 p. (In Russ.).
14. Nazarov E.A. Narkoticheskaya zavisimost' i sozavisimost' lichnosti v sem'e. avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. M., 2010. (In Russ.).
15. *Novyj ob'yasnitelnyj slovar' sinonimov russkogo yazyka* / Pod obshch. rukovodstvom Yu.D. Apresyana. Vyp. 1. M., 1997; Vyp. 2. M., 2000. (In Russ.).
16. Ozhegov S.I. *Tolkovij slovar' russkogo yazyka* / S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova. M.: Azbukovnik, 2000. 907 p. (In Russ.).
17. Petrenko V.F. Osnovy psihosemantiki. M.: Moskovskij universitet, 1997. 400 p. (In Russ.).
18. *Slovar' antonimov russkogo yazyka*. M.R. L'vov; *Russkij associativnyj slovar': [V 2 t.]* / Yu.N. Karaulov, G.A. Cherkasova, N.V. Ufimceva [i dr.]. M.: Russkij yazyk, 1984. (In Russ.).
19. *Slovar' russkogo yazyka: V 4-h t.* / AN SSSR. Izd. 3-e, stereotipnoe. M., 1985. (In Russ.).
20. *Tolkovij slovar' russkogo yazyka* / Pod red. D.N. Ushakova. V 4 t. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovar'ev, 1935-1940. (In Russ.).
21. Cherepanova I.Yu. Verbal'naya suggestiya: teoriya, metodika, social'no-lingvisticheskij eksperiment: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk 10.02.19 / I.Yu. Cherepanova. M., 1996. (In Russ.).
22. Kolitzus H. Die Liebe und der Suff ...: Schicksalsgemeinschaft Suchtfamilie. München: Kösel-Verlag, 1997. 275 p.
23. Klauke F., Müller-Frommeyer L.C., and Kauffeld S. Writing about the silence: identifying the language of ostracism. *J. Lang. Soc. Psychol.*, 2020. Vol. 39, pp. 751–763.

Информация об авторах

Григорьева Лидия Михайловна, магистр лингвистики, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ); соискатель кафедры психологии человека, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (ФГБОУ ВО «РГПУ им. А.И. Герцена»), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7029-090X>, e-mail: lidia.grigorevalg@gmail.com

Information about the authors

Lidia M. Grigorieva, Master of Linguistics, St. Petersburg State University; Candidate of the Department of Human Psychology, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7029-090X>, e-mail: lidia.grigorevalg@gmail.com

Получена 20.11.2022

Received 20.11.2022

Принята в печать 01.09.2024

Accepted 01.09.2024